

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 58. «Из недр земли так рвутся к свету зёрна»

Выпуск № 201

Марина Цветаева

В день Благовещенья
Руки раскрещены,
Цветок полит чахнувший,
Окна настежь распахнуты, –
Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Подтверждаю торжественно:
Не надо мне ручных голубей, лебедей, орлят!
– Летите, куда глаза глядят
В Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Улыбаюсь до вечера,
Распростившись с гостями пернатыми.
– Ничего для себя не надо мне
В Благовещенье, праздник мой!

1916

Даниил Андреев

из триптиха «У стен Кремля»

Ранняя юность. Пятнадцать лет.
Лето московское; тишь... прохлада...
В душу струится старинный свет
Первопрестольного града.

Скверы у Храма Спасителя... Даль...
И издалёка – серебряной речью
Мерно несёт родную печаль
Кованый благовест Замоскворечья.

По переулочкам узким брожу:
Там разноцветно пестрят пятиглавия,
Там, у высоких амвонов, слежу
Теплящиеся огни православия.

В смутных мечтах о добре и зле,
Долго внимаю рассеянным сердцем
Древней, полупонятной хвале
Великомученикам и страстотерпцам.

И, упований ни с кем не деля,
Вижу: над гребнем зелёного ската
Тихо слетают с зубцов Кремля
Лебеди розовые заката.

Бархатен, мягок уличный шум...
В старых притворах – ладан, стихиры...
Это впивает крепнувший ум
Вечную правду о Солнце мира;

Это – душа, на восходе лет,
Ещё целокупная, как природа,
Шепчет непримиримое «нет»
Богоотступничеству народа.

1941 – 1950

[Выпуск № 718](#)

[Марина Цветаева](#)

Канун Благовещенья.
Собор Благовещенский
Прекрасно светится.
Над главным куполом,
Под самым месяцем,
Звезда – и вспомнился
Константинополь.

На серой паперти
Старухи выстроились,

И просят милостыню
Голосами гнусными.
Большими бусами
Горят фонарики
Вкруг Божьей Матери.

Чёрной бессонницей
Сияют лики святых,
В чёрном куполе
Оконницы ледяные.
Золотым кустом,
Родословным древом
Никнет паникадило.
– Благословен плод чрева
Твоего, Дева
Милая!

Пошла странствовать
По рукам – свеча.
Пошло странствовать
По устам слово:
– Богородице.

Светла, горяча
Зажжена свеча.

К Солнцу – Матери,
Затерянная в тени,
Возываю и я, радуясь:
Мать – матери
Сохрани
Дочку голубоглазую!
В светлой мудрости
Просвети, направь
По утерянному пути –
Блага.

Дай здоровья ей,
К изголовью ей
Отлетевшего от меня
Приставь – Ангела.
От словесной храни – пышности,
Чтоб не вышла как я – хищницей,
Чернокнижницей.

Служба кончилась.
Небо безоблачно.
Крестится истово
Народ и расходится.
Кто – по домам,
А кому – некуда,
Те – Бог весть куда,
Все – Бог весть куда!

Серых несколько
Бабок древних
В дверях замешкались, –
Докрещиваются
На самоцветные
На фонарики.

Я же весело
Как волны валкие
Народ расталкиваю.
Бегу к Москва-реке
Смотреть, как лёд идёт.

1916

Лариса Патракова

Страна – сведённый злобою кулак:
Не разогнуть немеющие пальцы.
И мы, ещё вчера неандертальцы,
Не можем спину распрямить никак...

А здесь Великопостные Часы,
Храм еле жив (поруган не бывает),
И непонятно: вправду ль понимаю
Язык непостижимой красоты...

Дух целомудрия прошу опять,
Всё легче тело и поклоны чаще...
И только это вижу настоящим:
Отнимут всё, а Духа не отнять!

Снега, снега... Мир саваном одет,
Не различить дорог во свете белом.
Я третий час читаю неумело...
Шестой, девятый – всё ещё грядет...

Выпуск № 651

Александр Пушкин

Мирская власть

Когда великое свершалось торжество
И в муках на кресте кончалось Божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и Пресвятая Дева
 Стояли две жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим поставленных на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие казённая поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

Зинаида Миркина

Все ответы давно готовы,
Но ещё есть один вопрос.
Как узнаешь ты, если снова
Перед нами придёт Христос?
Не появится знак небесный,

И опять, как тогда, опять,
Кто-то властный и всем известный
Нам прикажет его распять.
Сердце стукнет, как в окна ветер:
Самозванец ты или бог?
Кто поможет мне, кто ответит?
Почва выплыла из-под ног.
До чего же трудна свобода.
Никого в мировой тиши.
Неужели идти по водам
Внутрь, в бескрайность своей души?

Выпуск № 788

Александр Пушкин

Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лице
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

1836

Лариса Патракова

Все дела отложила и в пятницу эту сидела
И смотрела в окно, повторяя молитву неслышно.
Помогала Ему. И другого не видела дела.
Знал ли это измученный и одинокий Всевышний?

Через тысячи лет от далёкого скорбного часа
Одинокая бабка молила Отца о спасеньи:
«В этот раз, если можно, минует Христа сия чаша –
В этом правды и радости больше, чем в скором Его Воскресенье».

Выпуск № 600

Аполлон Майков

Пустыннику

Дай нам, пустынник, дубовые чаши и кружки,
Утварь, которую режешь ты сам на досуге;
Ставь перед нами из глины кувшины простые
С влагой студёной, почерпнутой в полдень палящий
В этом ручье, что так звонко меж камнями льётся,
В мраке прохладном, под сенью дуплистая липы!
Вкусим, усталые, сочных плодов и корней;
Вспомним, как в первые веки отшельники жили,
Тело своё изнуря постом и молитвой;
И, в размышлениях строгих и важных,
Шутку порой перекинем мирскую.

1840

Лариса Патракова

Аввакуму

Оголённое слово костры поджигало,
Пахло плотью, сожженной в безумии сладком,
Так хотела сбежать – никуда не сбежала:
И сама к той меже я шагнула украдкой.

Протопопы, расстриги, родные безумцы
Полыхали, как свечи, толпу поджигая,
Не хотела смотреть – не смогла отвернуться,
Как в огне ликовала Россия живая.

«Мне дано! Я небесные тайны вещаю», –
Тёмным жаром уста раскалённые полны...
Не хочу обещать, но уже обещаю:
Всё, что скажет – запомню.

Выпуск № 696

Анна Ахматова

Бежецк

Там белые церкви и звонкий, светящийся лёд.
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мёд.

Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном;
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь...
И город был полон весёлым рождественским звоном.

1921

Даниил Андреев

из цикла «Голубая свеча»

Из обездоленности,
Сирой оставленности –
Силою веры стяжав ореол,
Полон намоленности,
В волны прославленности,
Белым ковчегом собор отошёл.

Вся вековая моя
Русь, просветляемая
Столько столетий в несчётных сердцах,
Молит о крае моём,
Плачет о крае моём
И не утешится в райских венцах.

Выйди на кровлю свою!
Встань надо всхолмиями!
Веси и грады очами измерь:
– Всё это – кровью вспою!
– Всё это – молниями
Испепелю, – говорит этот Зверь.

Встань над развodiнами
Иль на откос пойдй,
Землю целуй в тишине гробовой:
Час бьёт над родинойю.
Смилуйся, Господи.
Срок её мук сократи роковой.

1950 - 1955

Лариса Патракова

От храмов отплывали плащаницы
Под беспощадный колокольный звон...
Сознание наше – тёмный зев гробницы,
В которой Бог навеки погребён.

И тьмами тем над Русью свечи тают,
Леордами леордов голосов
Тех, кто ушёл и кто его не знает,
Что смерти нет – звучит молитва слов.

Из недр земли так рвутся к свету зёрна,
Но этот тёмный человеческий стон
Оплакивает Бога так покорно,
Что я боюсь: вдруг не Воскреснет Он.

Выпуск № 941

Фёдор Тютчев

Над этой тёмною толпой
Непробуждённого народа
Взойдётся ли ты когда, свобода,
Блеснёт ли луч твой золотой?..

Блеснёт твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

1857

Зинаида Миркина

Когда б мы досмотрели до конца
Один лишь миг всей пристальностью взгляда,
То нам другого было бы не надо,
И свет вовек бы не сходил с лица.

Когда б в какой-то уголок земли
Вгляделись мы до сущности небесной,
То мёртвые сумели бы воскреснуть,
А мы б совсем не умирать могли.

И дух собраться до конца готов,
Вот-вот... сейчас...

но нам до откровенья
Не достаёт последнего мгновенья,
И — громоздится череда веков.

Выпуск № 1255

Максимилиан Волошин

Преосуществление

К. Ф. Богаевскому

"Postquam devastationem XL aut
amplius dies Roma fuit ita desolata,
ut nemo ibi hominum,
nisi bestiae morareuntur".

*Marcellni Commentarii**

В глухую ночь шестого века,
Когда был мир и Рим простёрт
Перед лицом германских орд,

И Гот теснил и грабил Грека,
И грудь земли и мрамор плит
Гудели топотом копыт,
И лишь монах, писавший «Акты
Остготских королей», следил
С высот оснеженной Соракты,
Как на равнине средь могил
Бродил огонь и клубы дыма,
И конницы взметали прах
На желтых Тибрских берегах, –
В те дни всё население Рима
Тотила приказал изгнать.

И сорок дней был Рим безлюден.
Лишь зверь бродил средь улиц. Чуден
Был Вечный Град: ни огонь сглотать,
Ни варвар стены разобрать
Его чертогов не успели.
Он был велик, и пуст, и дик,
Как первозданный материк.
В молчаньи вещем цепенели,
Столпившись, как безумный бред,
Его камней нагроможденья –
Все вековые отложения
Завоеваний и побед:
Трофеи и обломки тронов,
Священный Путь, где камень стёрт
Стопами медных легионов
И торжествующих когорт,
Водопроводы и аркады,
Неимоверные громады
Дворцов и ярусы колонн,
Сжимая и тесня друг друга,
Загромождали небосклон
И горизонт земного круга.
И в этот безысходный час,
Когда последний свет погас
На дне молчанья и забвенья,
И древний Рим исчез во мгле,
Свершалось преосуществленье
Всемирной власти на земле:
Орлиная разжалась лапа
И выпал мир. И принял Папа
Державу и престол воздвиг.
И новый Рим процвёл – велик

И необъятен, как стихия.
Так семя, дабы прорасти,
Должно истлеть...
Истлей, Россия,
И царством духа расцвети!

1918

* После разрушения 40 или более дней
Рим оставался столько опустошенным,
что из людей никто в нем не задерживался,
но только звери. *Комментарии Марцеллина (лат.)*.

Даниил Андреев

из цикла «Голубая свеча»

На холм Демиург всероссийский ступил
В прадедовский век, первобытный и грубый,
Сквозь уханье брёвен и скрежеты пил,
Сквозь первые, смолами пахшие срубы.

Размашистый бор неумолчно роптал
И день богатырский вставал в небосклоне,
Когда ослепительно-белый кристалл
Заискрился в полувоздушной ладони.

И в детское сердце дремучей страны,
Под росы и ливни, пургу и порошу,
Здесь, в чёрную землю у корня сосны,
Сложил он свою лучезарную ношу.

И снилось боярам по тесным дворам,
И чаялось инокам в крошечной келье,
Что здесь, на холме, воздвигается храм
И правит Заступница в нем новоселье.

И он воплотился, родился, возник
Прозреньем строителей в мир совершенный —
Небесных соборов телесный двойник
Из косного камня и глины смиренной.

Менялись столетья. Открытые створы
Прияли других поколений чреду,
И ангелы холили душу собора,
Как цвет белоснежнейший в русском саду.

Гремели века, – и к шумящим просторам –
Выпестывать, ладить, ласкать, врачевать
Бездонно-тоскующим женственным взором
С иконы струилась волной благодать.

Клубились века – и у ног Приснодевы
Склонились войска, чернецы и вожди, –
– Хвала! Аллилуйя! – гремели напевы,
Стесняя рыданья в народной груди.

Вздымались века – и венец полумира
В алмазных огнях возложив на царя,
Верховный святитель о мирови мира
Молился в лазурных клубах алтаря.

Века пламенели пожаром и рухом,
Но вера вплетала в покров белизны
Сердца глубочайших мыслителей духа,
Сердца величайших поэтов страны.

Века воздвигались – и в роды и роды
Струился, охватывал и трепетал
Шатёр из святых возношений народа,
Посеянный ангелом белый кристалл.

1950-1955

Выпуск № 1349

Максимилиан Волошин

из поэмы «Космос»

Сгустилась ночь. Могильники земли
Извергли кости праотца Адама
И Каина. В разрыве облаков
Был виден холм и три креста – Голгофа –
Последняя надежда бытия.

Земля была недвижимым тёмным шаром.
Вокруг неё вращались семь небес,
Над ними небо звёзд и Первосилы,
И всё включал пресветлый Эмпирей.
Из-под Голгофы внутрь земли воронкой
Вёл Дантов путь к сосредоточью зла.
Бог был окружностью, а центром – Дьявол,
Распяленный в глубинах вещества.

Неистовыми взлётами порталов
Прочь от земли стремился человек.
По ступеням империй и соборов,
Небесных сфер и адовых кругов
Шли кольчатые звенья иерархий
И громоздились Библии камней –
Отображенья десяти столетий:
Циклоны веры, шквалы ересей,
Смерчи народов – гунны и монголы,
Набаты, интердикты и костры,
Сто сорок пап и шестьдесят династий,
Сто императоров, семьсот царей.
И сквозь мираж расплавленных оконниц
На золотой геральдике щитов –
Труба Суда и чёрный луч Голгофы.
Вселенский дух был распят на кресте
Исхлестанной и изъязвлённой плоти.

Даниил Андреев

Иерархия

Ждало бесплодно человечество,
Что с древних кафедр и амвонов
Из уст помазанного жречества
Прольётся творческий глагол.
Все церкви мира – лишь хранители
Заветов старых и канонов;
От их померкнувших обитателей
Творящий Логос отошёл.

Он зазвучит из недр столетия,
Из катакомб, с пожарищ дымных,

Из страшных тюрем лихолетия,
По сотрясённым городам;
Он зазвучит, как власть имеющий,
В философемах, красках, гимнах,
Как вешний ветер, вестью веющий
По растопляющимся льдам.

И будут ли гонцы помазаны
Епископом в старинном храме
Перед свечами и алмазами
На подвиг, творчество и труд?
Иль свыше волю непреклонную,
Они в себе услышат сами,
И сами участь обречённую,
Как долг и право, изберут?

Но, души страстные и жаркие,
Они пройдут из рода в роды
Творцами новой иерархии,
Чей золотой конец вдали
Святой гигант, нерукотворною
Блистая митрой, держит строго
В другом зоне – по ту сторону
Преображенья всей земли.

1950